

Путеводитель в пустыне, или Озеро-море. Роман Джемса-Фенимора Купера...

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 -- февраль 1841.

Подготовка текста В. Э. Богграда.

М., "Художественная литература", 1976

[OCR Бычков М. Н.](#)

ПУТЕВОДИТЕЛЬ В ПУСТЫНЕ, ИЛИ ОЗЕРО-МОРЕ. Роман Джемса-Фенимора Купера, автора "Последнего из могикан", "Пионер", "Степей" и пр. Перевод с английского. Санкт-Петербург. В Гутенберговой типографии. 1841. Две части. В 8-ю д. л. В I-й части 222, во II-й -- 224 стр.

Так как Купер начал писать романы уже после Вальтера Скотта,-- то и почитается его подражателем, или по крайней мере замечательным даже и после Вальтера Скотта романистом. Но это грубое заблуждение -- мнение толпы, которая делает свои заключения не из сущности самого дела, а из внешних обстоятельств, то есть не из того, *как* пишет тот или другой романист, но из того, когда он начал писать, как расходятся его романы, кто их хвалит или кто бранит. Купер нисколько не ниже Вальтера Скотта; уступая ему в обилии и многосложности содержания, в яркости красок, он превосходит его в сосредоточенности чувства, которое мощно охватывает душу читателя прежде, чем он это заметит; Купер превосходит Вальтера Скотта тем, что, по-видимому, из ничего создает громадные, величественные здания и поражает вас видимого простотою материалов и бедностию средств, из которых творит великое и необъятное. Яркая пестрота и многосложность деятельной, кипучей европейской жизни -- сами подавали Вальтеру Скотту готовые и богатые материалы; но Купер на тесном пространстве палубы умеет завязать самую многосложную и в то же время самую простую драму, которой корни иногда скрываются в почве материка, а величавые ветви осеняют девственную землю Америки. Эта драма невольно изумляет вас своею силою, глубиною, энергиею, грациозностию, а между тем в ней все так, по-видимому, спокойно, неподвижно, медленно и обыкновенно! -- Вспомните его "Лоцмана" и "Красного Корсара". Говоря ближе к истине,-- Вальтера Скотта не должно и сравнивать с Купером, так же как Купера с Вальтером Скоттом: каждый из них велик по-своему, каждый самобытен и оригинален в высшей степени, а по силе творческой деятельности оба они принадлежат к величайшим мировым явлениям в сфере искусства.

Немало оригинальности придает гению Купера еще и то, что Купер -- гражданин молодого государства, возникшего на молодой земле, нисколько не похожей на наш старый свет. Вследствие этого обстоятельства на созданиях Купера лежит какой-то особый отпечаток: с мыслию о них тотчас переносишься в девственные леса Америки, на ее необъятные степи, покрытые травой выше человеческого роста,-- степи, на которых бродят стада бизонов, таятся краснокожие дети Великого Духа, ведущие непримиримую брань между собою и с одолевающими их бледнолицыми людьми... Море еще едва ли не больше связывается с мыслию о романах Купера: море и корабль -- это его родина, тут он у себя дома; ему известно название каждой веревочки на корабле, он понимает, как самый опытный лоцман, каждое движение корабля; как искусный капитан, он умеет управлять им, и, нападая на неприятельское судно и убегая от него, он сыплет любезными его слуху терминами и теряется в описаниях маневров корабля с таким же удовольствием, как Вальтер Скотт в описании какого-нибудь древнего костюма или мрачной готической залы.

Много лиц, исполненных оригинальности и интереса, создала могучая кисть великого Купера: стоит только упомянуть о Джон-Поле, Красном Корсаре и Харвее-Бирше ¹, чтоб разом потеряться в созерцании бесконечного... Но ни одно лицо во множестве дивно созданных им лиц не возбуждает столько удивления и участия в читателе, как колоссальный образ того великого в естественной простоте своей существа, которого Купер сделал героем четырех романов своих: "Последнего из могикан", "Путеводителя в пустыне", "Пионера" и "Степей". Сам творец его так увлечен и очарован возникшим в его фантазии дивным образом, так горячо любит это лучшее создание своего гения, что, изобразив его в трех романах, как лицо, без которого ход действия остановился бы, задумал создать новый роман, в котором он был бы героем,-- и из всего этого вышла чудная тетралогия, великая и огромная поэма в четырех частях. Долго готовился Купер к этому роману, как к великому подвигу; много лет прошло между тою минутою, когда впервые блеснула в душе его идея "Путеводителя", и тою, когда он написал